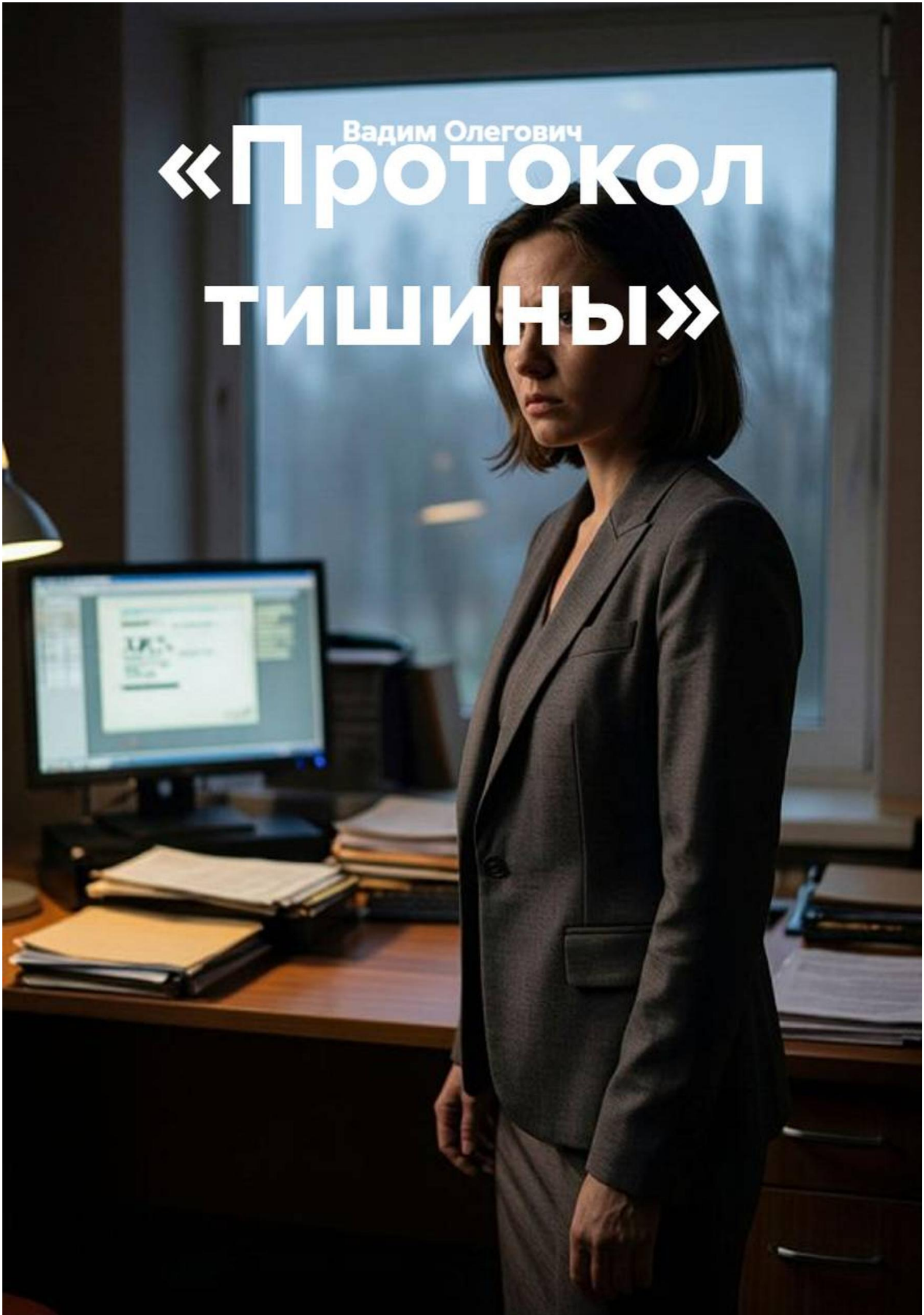
Вадим Олегович

«Протокол тишины»

Вадим Олегович

«Протокол тишины»

«Автор»
2026

Олегович В. В.

«Протокол тишины» / В. В. Олегович — «Автор», 2026

«Протокол тишины» — вторая книга цикла о следователе Кире Андреевне.После громкого дела в посёлке «Дворецкий» Кира надеется перевести дух, но покой оказывается лишь короткой передышкой. Анонимное сообщение и смазанный скриншот с внутреннего сервера посёлка «Северный» возвращают её в гущу событий: инженер Артём Волков, обнаруживший серьёзные расхождения в отчётности, бесследно исчез, а его служебный отчёт странным образом «перестал существовать» — его нет ни в реестрах, ни в архивах.Вместе с техническим экспертом Денисом Кира начинает распутывать клубок противоречий. Шаг за шагом они вскрывают тщательно выстроенную систему сокрытия фактов: от манипуляций с данными до продуманных формулировок, которые позволяют говорить об исчезновении человека, не называя это исчезновением.В центре схемы — не просто локальные злоупотребления, а целая «инфраструктура тишины»: протоколы, по которым неудобные события не уничтожают, а прячут в отдельные архивы, доступные лишь узкому кругу лиц.

© Олегович В. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сообщение из тишины 5
Глава 2«Северный»: идеальная стена 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Вадим Олегович «Протокол тишины»

Глава 1. Сообщение из тишины

Первую неделю после закрытия дела «Дворецкого» Кира спала плохо. Не потому, что её мучили кошмары, — нет, ничего такого. Просто организм, который месяцами жил на адреналине и кофе, не знал, что делать с наступившей тишиной. Тело продолжало ожидать звонка среди ночи, сообщения с грифом «срочно», шагов в коридоре, которые звучат иначе, чем обычные шаги.

Каждое утро она просыпалась ровно в семь — по привычке, которая больше не имела смысла, — и какое-то время лежала, глядя в потолок, будто ждала, что на нём появится что-то важное. Может быть, ответ на вопрос, который она себе не задавала: что теперь?

В управлении она формально числилась в отпуске. Соколов принял её решение спокойно, без давления — и это само по себе было подозрительно. Люди вроде Соколова не соглашаются на «отпуск» просто так. Либо они что-то знают, либо что-то готовят. Кира подозревала, что и то и другое.

— Ты заслужила отдых, — сказал он тогда, глядя поверх её плеча, куда-то в стену. — Отдохни. Обдумай всё. Освежи голову.— Вы хотите, чтобы я перестала копать, — перевела она.— Я хочу, чтобы ты выжила, — ровно ответил он. — Это разные вещи. Иногда перестают совпадать.Она тогда не поняла до конца, о чём он. Поняла позже. Слишком позже, как ей теперь казалось.

Сегодняшнее утро начиналось как все предыдущие: она проснулась в семь, умылась, сварила кофе — слишком крепкий, потому что чувствовала, что сегодня он понадобится. Села за стол с видом на серый двор. Открыла блокнот — тот самый, старый, с потрёпанной обложкой, где всё ещё были записи по делу «Дворецкого», уже ставшие чем-то вроде дневника.Кира перечитала финальный список улик — против Андрея Викторовича. Убийца. Признан виновным. Отбывает срок. Дело закрыто. Всё законно, всё чисто, всё справедливо.

И всё же что-то в ней не отпускало.

Может быть, потому, что она слишком хорошо помнила разговор с Андреем Викторовичем перед арестом. Его тихий, почти дружелюбный тон. Его слова: «Система не прощает тех, кто пытается её сломать». Она тогда думала, что это угроза — и что она победила угрозу. А теперь, в тишине квартиры, начинала догадываться, что это было не угрозой. Это было предупреждением.

Телефон завибрировал на столе. Она взяла его почти равнодушно — думала, что это Денис с очередным техническим вопросом или Соколов с просьбой вернуться на службу раньше срока.На экране высветилось имя: «Денис».И — ничего странного. Кроме того, что он звонил не писал. Денис не любил звонить. Денис считал, что текст экономит время и позволяет думать перед тем, как говорить. Если он звонил — что-то случилось.— Да? — ответила Кира.

— Слушай, — голос Дениса был какой-то тихий. Не уверенный. Он всегда говорил уверенно — даже когда речь шла о взломе сервера или о восстановлении удалённых данных. Сейчас же в его голосе было что-то другое. Волнение? Нет. Скорее — осторожность. — Ты сегодня дома?— Да.— Могу подъехать? Не в управление. К тебе.— Что случилось? — спросила Кира.

Пауза была короткой, но показательной. Денис не колебался перед тем, как говорить. Если он колебался — значит, у него было время подумать и он всё равно не нашёл, как сказать.— Есть кое-что, — наконец произнёс он. — И мне нужно, чтобы ты это увидела вживую. Не по телефону.Кира посмотрела на окно, за которым серел двор, — и вдруг поняла, что

тишина, которую она так не любила эти семь дней, кончилась. Что-то началось.— Приезжай, — сказала она.

Денис приехал через сорок минут. Он выглядел как всегда — потёртая куртка, рюкзак, тёмные круги под глазами. Но что-то в его походке было новым: он двигался так, будто каждую секунду ожидал, что кто-то встанет за его спиной и посмотрит в его ноутбук.Кира открыла дверь, не спросив, зачем он снова принёс с собой свою технику.— Ты в порядке? — спросила она, когда он вошёл.

— В порядке, — ответил он. — Просто… — Он положил рюкзак на стул, снял куртку, повесил на спинку кресла. Всё это делал слишком медленно, слишком аккуратно, как будто откладывал момент, когда придётся говорить. — Знаешь, я никогда не любил анонимные письма. Я считал их признаком малодушия. Типа — хочешь что-то сказать, так скажи в лицо. — А теперь?

— А теперь я думаю, что люди, которые пишут анонимки, не трусы. Они просто умнее меня. Они понимают, что если подпишутся — их первое слово будет их последним свободным.Он достал из рюкзака ноутбук, положил на стол и открыл его. Экран засветился — на нём было письмо, текст на русском языке, короткий, сухой, без приветствия.«Вы нашли схему в одном посёлке. Их больше».

И под этим — скриншот. Не профессиональный, смазанный, будто снятый на телефон с монитора: строка из какого-то внутреннего документа. Кира всмотрелась и разобрала слова: «…сотрудник подразделения обслуживания А. В. Волков отсутствует на рабочем месте с 3-го числа. Причина — не уточнена…»— Что это за документ? — спросила она.

— Не знаю, — честно ответил Денис. — Это скриншот. Отправитель его не приложил — просто вставил как изображение в текст. Но у меня есть инструменты, которые позволяют определить, откуда взято изображение. Откуда сервер, откуда формат, откуда тонировка. Я уже проверил.— И?

— Это снимок с внутреннего сервера управляющей компании посёлка «Северный». Не самого посёлка — именно управляющей компании. То есть кто-то внутри снял этот экран с экрана и отправил его нам.Кира медленно кивнула, но внутри неё уже что-то начало закручиваться. Она вспомнила посёлок «Дворецкий» — и все его идеально подстриженные кусты, идеально отполированные дверные ручки, идеально подготовленные отчёты, в которых не было ни одного лишнего слова.

— Значит, в «Северном» есть человек, который доверяет нам, — тихо сказала она.— Или которому некуда больше идти, — поправил Денис. — Это тоже вариант.Кира посмотрела на скриншот ещё раз. Строка была безымянной, но одно слово в ней резало глаз: «Волков».— А. В. Волков, — произнесла она вслух. — Кто это?

— Инженер по системам контроля, — ответил Денис. — Я проверил открытые источники. Он числится в штате управляющей компании «Северного» с 2019 года. Специализация — обслуживание датчиков, систем мониторинга, технологическое оборудование. Не самый громкий пост. Не самый заметный человек. Тихий специалист.— Отсутствует на рабочем месте, — перечитала Кира.

— С 3-го числа, — подтвердил Денис. — То есть с этого понедельника.— Это уже пять дней.— Именно.Кира встала, прошлась по комнате — она всегда так делала, когда начинала складывать факты. Шаг за шагом, вперёд и обратно, будто её тело помогало мозгу искать правильные связи.— Что мы знаем о нём? — спросила она. — Не о должности. О человеке.

Денис развёл руками.— Пока почти ничего. Я нашёл только его страницу в корпоративной базе — там стандартные данные: возраст, семейное положение, стаж. Жена — Ольга Волкова. Работает медсестрой в поликлинике рядом с посёлком. Детей нет. Автомобиль — серый кроссовер. Не выглядит как человек, который однажды станет громким именем в уголовном деле.

— Значит, кто-то, кто не должен был стать громким именем, внезапно исчез, — тихо сказала Кира. — И кто-то изнутри системы, которая должна была его спрятать, обратился к нам. Это не похоже на случайность.— Не похоже, — согласился Денис.Он помолчал, потом добавил:— Но знаешь, что мне не нравится больше всего?— Что?

— Формулировка. «Отсутствует на рабочем месте». Не «отсутствует», не «не вышел на работу». «Отсутствует» — это как будто его там никогда и не было. Как будто он не пришёл сегодня, не ушёл вчера — он просто существует в этом состоянии неопределённости. «Отсутствует».Кира остановилась у окна.

— Это язык системы, — произнесла она. — Я слышала его в «Дворецком». Они не говорят «человек пропал». Они говорят «человек не зафиксирован». Не «он уехал». Они говорят «его перемещение не имеет значимости для текущей отчётности». Это не живой язык. Это язык, который придуман, чтобы скрывать факты, не называя их ложью.Денис молча кивнул. Он понимал её без лишних слов — как всегда.— Что делать? — спросил он наконец.

Кира отвернулась от окна и посмотрела на него.— Сначала — проверим, — сказала она. — Прежде чем делать выводы, надо знать факты. Кто такой Волков, что он делал в «Северном», почему исчез и почему кто-то решил, что мы должны об этом знать.Денис кивнул, будто ждал именно этих слов.— Тогда начнём с семьи, — сказал он. — Обычно с них и начинают.

Ольга Волкова открыла дверь не сразу — Кира пришлось звонить три раза. И когда дверь открылась, Кира поняла, что женщина на пороге не только не рада гостям, но и напугана.

— Да? — спросила Ольга. В её голосе была усталость — не от физической работы, а от чего-то другого. От ожидания плохих новостей.

— Ольга Владимировна? — Кира представилась, назвав себя. — Я следователь. Мне нужно поговорить о вашем муже.

На секунду в глазах женщины мелькнуло что-то, похожее на страх. Потом страх сменился настороженностью, а настороженность — отчаянной попыткой сохранить спокойствие.— Артём уехал, — сказала она. — На корпоратив. Он позвонил в понедельник и сказал, что задержится.— На сколько дней? — спросила Кира.— На три. Он должен был вернуться вчера вечером. — Она замолчала, и её пальцы, лежавшие на ручке двери, чуть дрогнули. — Но он снова позвонил. Сказал, что задерживается. Что всё в порядке.

— Вы говорили с ним по телефону?— Да, — кивнула Ольга. — Вчера. Он был коротким. Говорил быстро, будто торопился. Но сказал, что всё хорошо.Кира почувствовала, как внутри что-то холодеет. Она не была новичком. Она слышала, как звучат «всё хорошо», сказанные под чужим присмотром, — их отличало от настоящих «всё хорошо» одно: тон был слишком гладким. Слишком убеждающим. Слишком правильным.— Ольга Владимировна, — тихо сказала она, — могу я задать вам один вопрос?

— Конечно.— Вы ему верите?Ольга замолчала. Не так, как замолкают, чтобы не отвечать. Так, как замолкают, чтобы не солгать.— Он… — начала она и осеклась. — Он очень занятой человек. У него много работы. Он всегда так говорит, когда занят.

— Он… — начала она и осеклась. — Он очень занятой человек. У него много работы. Он всегда так говорит, когда занят.Кира кивнула, но внутри всё уже сложилось в картину, которой ей не хотелось верить. Человек, который «задерживается» без объяснений. Человек, чей телефон работает, но говорит коротко. Человек, чья жена стоит на пороге с лицом, на котором написано всё, что она не решается сказать вслух.— Когда он уехал? — спросила Кира. — В какой день, в какое время? Что он взял с собой?

— В понедельник, рано утром, — Ольга подняла глаза. — До завтрака. Сказал, что торопится. Взял… — она помолчала, будто вспоминала. — Он взял только рюкзак. Маленький. Без чемодана.— Без чемодана? — переспросила Кира. — На три дня?Ольга кивнула, но в её взгляде читалось: она сама только сейчас поняла, что это значит. Она смотрела на Киру

так, будто впервые увидела то, что видела ежедневно, и только сейчас поняла, насколько это странно.

— Он… — она сглотнула. — Он всегда так ездил. Он не любил большие чемоданы. Но в этот раз… в этот раз он был другим. Собирался быстро, не глядя. Как будто уже всё решил. — Позвольте взглянуть на его вещи? — осторожно спросила Кира.Ольга замешкалась. Потом медленно отступила в сторону, пропуская Киру в прихожую.

Квартира была чистой — слишком чистой, как будто здесь недавно убирались. Или как будто здесь кто-то давно не жил. Кира прошла в комнату, где стоял рабочий стол Волкова. На нём — закрытый ноутбук, тетрадь в клетку, чашка с недопитым кофе. Чашка была тёплой на ощупь? Нет — остывшей давно, с подсохшей корочкой на дне. Значит, её не трогали несколько дней.Кира открыла ящик стола. Внутри — стандартный набор канцелярии: ручки, стикеры, стопка бумаги. И под ними — сложенный листок. Не документ, не отчёт. Просто листок, сложенный вчетверо.

Она взяла его и развернула. От руки, аккуратным, мелким почерком: таблица. Два столбца. Слева — числа, справа — числа. Между ними — знаки расхождений. Под таблицей — одна строка: «Показания не совпадают. Каждый день. Систематически».Кира медленно подняла глаза.— Это почерк вашего мужа? — спросила она.Ольга кивнула, не глядя в таблицу.

— Он писал её перед отъездом, — тихо сказала она. — Думал, что я не замечу. Но я заметила. Он всегда писал, когда его что-то тревожило. Садился за стол, выписывал всё в столбик, как будто так мог убедить себя, что всё под контролем.— А что именно его тревожило? — спросила Кира.Ольга покачала головой.— Не знаю. Он не говорил. Он вообще последнее время стал молчаливым. Приходил с работы поздно, ужинал молча, смотрел телевизор — но, по-моему, не видел, что там показывают. Как будто жил где-то в другом месте. Я думала, устал. Может быть, устал.

— А что вы чувствуете сейчас? — тихо спросила Кира. — Не про работу. Про него.Ольга закрыла глаза, будто пытаясь собрать остатки сил.— Боюсь, — прошептала она. — Я боюсь.Это был честный ответ. Кира знала: честные ответы дают только те, кто уже перестал надеяться на лёгкий выход.

— Ольга Владимировна, — тихо сказала она, — я обязана предупредить вас, что официально ваш муж числится «отсутствующим на рабочем месте». Это не значит, что он в опасности. Но это значит, что мы обязаны проверить, где он и что с ним.Ольга кивнула, будто уже знала это.

— Я буду ждать, — прошептала она. — Просто найдите его. Пожалуйста.Кира кивнула и уже направилась к выходу, когда Ольга вдруг произнесла:— Подождите.Кира обернулась.— Он оставил одну фразу, — тихо сказала Ольга. — Я не поняла её тогда. Не понимаю и сейчас. Но, может быть, она вам поможет. Он сказал перед уходом: «Там не вода течёт. Там деньги текут».

Кира замерла. Внутри неё что-то щёлкнуло — как замок, который наконец-то отпёрся.— Он сказал это про что? — тихо спросила она. — Про что конкретно?— Я не знаю, — ответила Ольга. — Он не пояснил. Просто сказал и вышел.Кира записала фразу в блокнот и закрыла его. Она знала: эта фраза — не просто слова. Это ключ. Куда-то.Дорога до «Северного» была длиннее, чем до «Дворецкого» — почти на сорок минут больше, и по пути менялся пейзаж: сначала обычные городские кварталы, потом пустыри, потом лесополоса, потом наконец — высокий забор из тёмного металла, за которым прятались дома, слишком большие, чтобы казаться уютными, и слишком закрытые, чтобы казаться гостеприимными.

У въезда стоял КПП. Не такой, как в «Дворецком», — этот был новее, холоднее, продуманнее. Камеры на столбах поворачивались так, что, казалось, следили не за въезжающими, а за каждым, кто проходил мимо. Кира почувствовала себя в поле зрения ещё до того, как остановилась у шлагбаума.

— Здравствуйте, — сказала она охраннику, показывая удостоверение. — Я следователь Кира Андреевна. Мне нужно поговорить с администрацией.Охранник посмотрел на удостоверение, потом на неё. Взгляд был не враждебный, но и не дружелюбный — профессионально нейтральный, как у человека, который научился не показывать эмоций.— Вы записаны? — спросил он.

— Нет, — ответила Кира. — Но у меня есть официальное основание: расследование по факту исчезновения сотрудника вашей компании.Охранник помолчал. Потом произнёс:— Администрация принимает по записи. И только по официальным обращениям.Кира достала блокнот, вырвала лист и написала короткое заявление: «Прошу предоставить информацию о местонахождении инженера А. В. Волкова и копию последнего служебного отчёта от 3-го числа о состоянии системы мониторинга».

— Передайте это, пожалуйста, — сказала она. — И отметьте время и дату получения.Охранник взял лист, но не сразу убрал его — он смотрел на бумагу так, будто пытался понять, перед ним обычная просительница или кто-то, с кем лучше не связываться.— Хорошо, — наконец сказал он. — Передам.Кира кивнула, будто это был не отказ, а первый маленький шаг. — Жду ответа, — спокойно произнесла она. — И, если можно, зафиксируйте, что я была здесь.

Охранник не ответил, но Кира заметила: его взгляд скользнул к камере над шлагбаумом. Значит, её приезд уже зафиксирован. Хорошо. Пусть зафиксирован. Она не пряталась — она пришла официально и оставила след.Она развернулась и пошла к машине. Уже у самой двери её догнал голос охранника:— Извините.Она обернулась.

— Не «извините», а «интересно», — тихо сказал он, глядя куда-то в сторону, будто говорил не ей. — Мы тут редко видим людей, которые приходят с листом бумаги. Обычно все пишут по email. Или приходят с Lawyers.Кира посмотрела на него внимательнее. Лицо — обычное, уставшее, без загара, без дорогих часов. Но в глазах — что-то живое. Что-то, что редко бывает у охранников закрытых посёлков, где все должны быть одинаковыми.

— Как вас зовут? — спросила она.— Сергей, — ответил он. — Сергей Ильич.— Сколько вы здесь работаете?— Четыре года.— Вы знали Волкова?Охранник помолчал. Потом, будто решаясь на что-то, сказал:— Знал. Хороший мужик. Тихий. Делал своё дело. — Он замолчал, а потом добавил, понизив голос: — И последнее, что я от него слышал, было не «до свидания». Это было «если я не вернусь, значит, они всё-таки добрались».

Кира почувствовала, как пульс ускоряется.

— Когда он это сказал?

— В понедельник. Утром. Я его выпускал через КПП. Он выглядел… — Сергей замялся, подбирая слово. — Собранным. Как будто знал, что делает. Но и… — он снова замолчал. — Страшным. Как будто прощался.

— И вы его всё-таки выпустили?

— А что я мог сделать? — Сергей развёл руками. — Он выходил на работу. Не на территорию. Всё по правилам. Я не могу остановить человека, который выходит на работу.

Кира молчала. Она понимала: перед ней не заговорщик, не союзник — перед ней человек, который просто делал свою работу и который, возможно, впервые за четыре года почувствовал, что эта работа связана с чем-то большим, чем открытие шлагбаума.— Спасибо, — сказала она. — Если вспомните ещё что-нибудь — позвоните мне.Она протянула ему визитку. Сергей взял её неохотно, как будто она была не##ой, а чем-то опасным.

— Я не собираюсь никого выдавать, — тихо сказал он. — Но я тоже не хочу потом молчать. Как остальные.Кира кивнула.— Тогда мы на одной стороне, — сказала она.

Ответ от администрации пришёл не в тот же день — на следующий. Это был не отказ, а нечто худшее: идеально гладкий текст, написанный, кажется, юристом с многолетним опытом уклонения.

Уважаемая Кира Андреевна! Информируем вас, что сотрудник А. В. Волков находится в служебной командировке по согласованию с руководством. Информация о его текущем местонахождении и характере выполняемых работ является служебной и не подлежит разглашению без соответствующего разрешения. По вашему запросу о копии служебного отчёта от 3-го числа сообщаем, что документ с указанной датой не числится в реестре служебных документов компании».

Кира перечитала текст дважды. Всё было законно. Всё было профессионально. И всё было ложью — но ложью, построенной так, что за неё не зацепиться. Служебная командировка. Служебная тайна. Отчёт, которого «не числится».Она позвонила Денису.

— Ты это видел? — спросила она, не дожидаясь приветствия.— Видел, — ответил он. — Обрати внимание на одно: «не числится в реестре». Это не значит, что отчёта не существует. Это значит, что его нет в реестре. Это два разных утверждения. В первом случае — документа нет. Во втором — он есть, но его скрыли.— Значит, его скрыли, — тихо сказала Кира.

— Значит, его скрыли, — подтвердил Денис. — И это уже не просто исчезновение человека. Это исчезновение документа, который этот человек создал. Совпадение? Не думаю.Кира встала у окна и смотрела на серый город за стеклом.— Денис, — тихо сказала она, — а что если этот человек — не случайный свидетель? Что если он — тот, кто увидел что-то, чего не должен был видеть?Денис помолчал.

— Тогда, — наконец произнёс он, — нам нужно найти это «что-то» раньше, чем его найдут они. Потому что если они найдут его первыми — оно исчезнет. Как исчез отчёт. Как исчез Волков.Кира закрыла глаза на секунду. Она слышала эти слова раньше — в «Дворецком», от людей, которые боялись говорить. Но сейчас они прозвучали не как страх. Они прозвучали как констатация факта. И это было страшнее любого страха.— Значит, работаем, — сказала она. — С этой минуты — работаем.

Вечером Кира и Денис сидели у неё дома — на кухне, за столом, заваленным бумагами и ноутбуками. Это стало их неофициальным рабочим местом: не офис с камерами и регистрируемыми визитами, а обычная кухня, где можно было говорить вслух то, что нельзя произносить на работе.Денис открыл на ноутбуке таблицу — ту самую, которую он восстановил из черновика Волкова.

— Смотри, — сказал он, поворачивая экран к Кире. — Это не просто заметки. Это расчёты. Волков сравнивал показания датчиков с отчётностью управляющей компании. И нашёл систематическое расхождение. Каждый день. По одним и тем же параметрам.— Какие параметры? — спросила Кира.— Вода, — коротко ответил Денис. — Расход воды в посёлке. По данным датчиков, потребление на 30 процентов выше, чем отражено в отчётности. То есть кто-то забирает воду и не показывает это в документах. Вода уходит в никуда.

— Или не в никуда, — тихо сказала Кира. — А в те места, которые не должны фигурировать в отчётах. Например — в чужие дома, в чужие посёлки, в чужие бизнесы.— Именно, — кивнул Денис. — И это не мелочь. Тридцать процентов от оборота воды в закрытом посёлке — это огромные деньги. Если их распределять «не официально», можно финансировать что угодно. Любые схемы.

Кира вспомнила слова Волкова, которые передала Ольга: «Там не вода течёт. Там деньги текут».Теперь фраза обрела смысл. Волков нашёл не утечку воды. Он нашёл утечку денег. И — судя по всему — этот факт стоил ему свободы. Может быть, и большего.— Что делать? — спросил Денис.Кира подумала. Потом открыла блокнот — тот, где всё ещё были записи по «Дворецкому», — и на чистой странице написала:

Найти, куда исчез Волков.Восстановить отчёт, который «не числится».Найти, кто и зачем забирает воду.Определить, кто внутри компании помогает скрывать факты.Зафиксировать всё — для себя и для тех, кто может прийти после.Она закрыла блокнот и посмотрела на Дениса.

— Начнём с первого, — сказала она. — Завтра — к системе контроля доступа. Посмотрим, когда и как он уходил. И кто его гасил.Денис кивнул, но что-то в его лице оставалось напряжённым.— Кира, — тихо сказал он. — Ты понимаешь, что это уже не «Дворецкий»? Здесь всё будет жёстче. Люди, которые это сделали, — не местные. Они профессионалы. И они уже показали, что умеют стирать и людей, и документы.Кира посмотрела на него спокойно.

— Я понимаю, — сказала она. — И я не иду туда наивной девочкой, которая думает, что правды достаточно, чтобы победить. Я иду туда, потому что если я не пойду — никто не пойдёт. А если никто не пойдёт — Волков станет просто строкой в отчёте. «Отсутствует на рабочем месте». И всё.Денис молчал. Потом медленно кивнул.— Хорошо, — тихо произнёс он. — Тогда работаем.

И Кира поняла, что тишина, которая длилась семь дней после «Дворецкого», закончилась. Впереди — новый посёлок, новые правила, новые враги. И новое дело, которое, возможно, окажется громче, страшнее и важнее, чем всё, что было раньше.Она выключила свет на кухне. Где-то за окном, в тёмном городе, кто-то мог уже думать о ней — так же, как она думала о них. Но она не собиралась прятаться. Не теперь.

Не тогда, когда правда впервые за долгое время казалась ей не абстракцией, а живой, дышащей необходимостью.

Глава 2«Северный»: идеальная стена

Кира вернулась в «Северный» через три дня после того, как получила вежливую отписку администрации. Не потому, что отписка заставила её отступить — наоборот. Отписка была для неё не отказом, а картой: она показывала, где у противника болит.

За эти три дня она изменила свой подход. «Дворецкий» научил её вещам, которые теперь вошли в привычку так прочно, что она делала их не думая — как одеваются по утрам. Во-первых, каждый свой шаг она фиксировала: куда пришла, в какое время, кого видела, что ей ответили. Во-вторых, каждый ответ она просила подтвердить письменно — и, если письменно не давали,

фиксировала отказ в отдельном протоколе с датой и временем. В-третьих — и это было главным уроком — она перестала рассчитывать на то, что документы, оставленные в системе, доживут до суда. Всё важное копировалось и уносилось с собой. Денис снабдил её флешками и парой старых, надёжных накопителей, которые не были подключены ни к каким сетям. «Если система может стирать, — сказал он тогда, — значит, истину нужно носить в кармане».

Сегодня у неё был формальный повод: расследование по факту исчезновения сотрудника. Она собрала пакет документов — запросы, копии отказов, перечень оснований — и напечатала всё в двух экземплярах. Один предназначался администрации «Северного», второй оставался у неё, с входящими отметками. Это была не бюрократия. Это была броня.

На пассажирском сиденье лежал ещё один предмет, о котором она никому не говорила: диктофон. Включать его она собиралась не всегда и не везде — только тогда, когда закон позволял, а разговор начинал пахнуть тем, о чём потом никто не захочет вспоминать вслух.

Дорога была знакомой. Лесополоса. Пустырь. Потом — тёмный забор, высокий, ровный, без единой царапины, без единого объявления. В «Дворецком» забор украшали таблички с правилами посёлка: «Берегите газон», «Соблюдайте тишину», «Добро пожаловать домой». В «Северном» не было ничего. Забор не приглашал и не запрещал. Он просто существовал — как граница между двумя мирами, о которой обе стороны договорились не говорить.

Кира остановилась у КПП и впервые за день позволила себе секундную паузу. Паузу человека, который проверяет сам себя: готова ли я к тому, что сейчас увижу?— Готова, — тихо произнесла она вслух — и это была не фраза из кино, а простое самопонукание, которого она требовала от себя с того дня, как получила анонимное письмо.

Шлагбаум поднялся ещё до того, как она показала удостоверение. Камера над воротами слегка повернулась — и Кира поняла, что её лицо уже сопоставили с базой. Её ждали. Это не могло быть совпадением: во вторник она пришла с листом бумаги, и тогда охранник был вынужден звонить в администрацию. Сегодня шлагбаум открывался мгновенно. Значит, где-то в системе существовала запись: «Следователь Кире Андреевне — пропускать беспрепятственно».

Кира улыбнулась — коротко, без радости. Беспрепятственно. Именно так система показывает уважение: не по-человечески, а по-административному. Ей открыли ворота так же, как открывают шлюз: гладко, без звука, без эмоций. И это было скорее предупреждением, чем жестом доброй воли.

— Добрый день, — сказал охранник, подходя к окну. Это был тот самый Сергей Ильич — с усталым лицом и живыми глазами. — Вас ждут.— А кто меня ждёт? — спросила Кира.— Не могу сказать, — Сергей пожал плечами. — Мне просто сказали: женщина-следователь, которую будете ждать. Пропускать без записи.— И вы всё-таки записали мой вчерашний визит? — спросила Кира. — Как я просила?Сергей помедлил. Потом чуть наклонился к окну и произнёс тихо, ровно настолько, чтобы она услышала:

— Записал. В двух журналах. Тот, который вы просили, и тот, который никто не просит. — Он выпрямился, вернув деловое лицо. — Проезжайте, вторая парковка, здание администрации. Вам к трём.— К трём? — переспросила Кира. — А сейчас сколько?— Без двадцати два, — ответил Сергей. — Но вас будут ждать к трём. У них принято ждать сорок минут. Это тоже часть протокола.

Он отступил, и Кира медленно поехала под шлагбаумом, чувствуя, как каждое слово этого короткого разговора укладывается куда-то в глубину, к другим словам, собранным за месяцы работы. «Часть протокола». Она слышала это выражение в «Дворецком» — но там оно звучало как оправдание. Здесь оно прозвучало как закон.Кира припарковалась на второй парковке — ровно там, куда её направили. Поработать с ожиданием она умела: сорок минут — это не потерянное время, это время наблюдения. Она вышла из машины, прикрыла дверь, огляделась.«Северный» отличался от «Дворецкого» всем — так, как отличается гостиница от дома. В «Дворецком» всё говорило «я стою дорого, и мне хорошо»: цветущие клумбы, зеркальные витрины, ковровые дорожки в холлах. В «Северном» всё говорило «я охраняю своё»: узкие проезды, фасады без лишних окон, тёмный камень, заборы с колючим завершением, растянутым так, что захватить его за верх было невозможно.Но интереснее всего была не архитектура. Интереснее всего было то, чего здесь не было.

Не было детей. Кира заметила это не сразу — а потом поняла, что за пятнадцать минут наблюдения не увидела ни одного ребёнка, ни одной детской коляски, ни одного велосипеда. Для посёлка, где жили, судя по реестру, больше двухсот семей, это было странно. Либо дети сидели по домам, либо их здесь не было вовсе — а дома стояли пустыми, как бутафория.Не было собак. Ни одной. В «Дворецком» по утрам прогуливались хозяева с пёсиками всех пород и цен. Здесь — тишина.

И не было любопытных. В «Дворецком» ей на глаза попадались жители: кто-то выглянул из окна, кто-то замедлил шаг, кто-то смотрел прямо и с интересом, а кто-то отводил глаза. Здесь никто не смотрел на неё вообще. Не отводил взгляд — именно не смотрел. Это было тонкое различие, но Кира улавливала его сразу. Люди, которые не смотрят на чужака, либо приучены не смотреть, либо напуганы. Иногда — и то и другое.

Она достала блокнот и записала три наблюдения — коротко, без прикрас:

Нет детей на улицах в дневное время. Причина неясна: либо режим, либо демографическая искусственность (дома сдаются «для статуса», реально пустуют).

Нет животных. В посёлке с двумястами семьями это ненормально. Возможно, запрет администрацией (тишина как ценность) — либо страх перед камерами и «инцидентами».

Жители не смотрят на незнакомцев. Это не безразличие — это выученное поведение.

Третье наблюдение было самым важным. Кира помнила, как в «Дворецком» садовник говорил ей: «Здесь главное — не задавать лишних вопросов». Она думала, что это частность. Теперь она начинала понимать: это не частность. Это цель.

Прошло двадцать минут из сорока, когда она заметила человека, который наконец-то на неё посмотрел. Он шёл по дальней дорожке — мужчина лет пятидесяти, в серой куртке, с поводком, на котором не было собаки. Просто поводок. Он шёл с ним, как ходят с собакой, — и Кира поняла, что это была выверенная деталь: человек, который «выгулял собаку», выглядит естественно, не привлекает внимания. Мужчина прошёл мимо, глянул на неё — на секунду, не дольше, — и отвернулся.

Кира не стала его останавливать. Она сделала другое: достала телефон и, делая вид, что фотографирует фасады, сняла дальнюю дорожку вместе с силуэтом мужчины. Не для того, чтобы его опознать. Для того, чтобы помнить: в этом посёлке за ней уже ходят. И делают это с такой детальной продуманностью, что даже поводок без собаки становится частью сценария.

— Идеальная стена, — тихо произнесла она вслух.

Потому что теперь она понимала, из чего она сложена. Не из бетона и не из забора. Из дисциплины. Из привычки не смотреть. Из отсутствия детей, которые непредсказуемы и задают вопросы. Из отсутствия собак, которые лают на то, что не должны видеть. И из людей с пустыми поводками, которые следят так вежливо, что за ними невозможно зацепиться.

Ровно в три её пригласили в кабинет — не главного управляющего, как она ожидала, а его заместителя. Кира вошла в приёмную, отметив про себя: здесь было чисто, стильно и полностью лишено личности. Ни фотографий, ни наград на стенах, ни одного листа бумаги на столах — только мониторы, клавиатуры и одна ваза с искусственными цветами.

Заместителя звали Павел Сергеевич Крайнов. Он вышел ей навстречу сам — сам протянул руку, сам предложил стул, сам принёс воду в стеклянном стакане с салфеткой. Всё было безупречно. И всё было рассчитано на то, чтобы разговор не состоялся.

— Кира Андреевна, — произнёс он, садясь напротив, — я рад, что вы нашли время. Мы, конечно, не понимаем, в чём смысл вашего внимания к нашей организации, но всегда готовы к сотрудничеству.

— Сотрудничество начнётся с простого, — сказала Кира, раскладывая перед собой документы. — Пять дней назад ваш сотрудник перестал выходить на связь. Его жена подала мне устное обращение, я зарегистрировала его как сообщение о происшествии. Прошу предоставить: график работы Волкова за последний месяц, данные системы контроля доступа за период с первого числа, перечень его служебных обязанностей и копию последнего отчёта.

Крайнов слушал её, не перебивая, и на лице его не появилось ни единой морщинки. Когда она закончила, он кивнул — спокойно, как кивают на совещаниях, когда вопрос не заслуживает эмоций.

— Кира Андреевна, — произнёс он, — вы понимаете, что системы контроля доступа обслуживаются подрядной организацией? Мы не храним эти данные у себя. Всё передаётся по договору в «Синтез-Сервис». Если вам нужны данные — запрос должен быть адресован им.

Кира почувствовала, как внутри нарастает холодная ясность. Он не соврал. Ни единого слова. И именно поэтому всё, что он сказал, было ложью — ложью по конструкции, а не по содержанию.

— Тогда передайте мне договор с «Синтез-Сервисом», — попросила она. — Мне нужны реквизиты, чтобы направить запрос напрямую.

— Договор — это коммерческая тайна, — мягко ответил Крайнов. — Но я могу назвать вам телефон их офиса.

— Телефон у меня есть, — сказала Кира. — Мне нужен договор.

— Не могу помочь, — развёл руками Крайнов. И добавил с той особой вежливостью, за которой прячется сталь: — Хотя, знаете, мне кажется, мы тратим ваше время. Артём Викторович — спокойный, надёжный человек. Уехал в командировку. Вернётся — всё уточнится. Такие вещи не стоят вашего внимания. У вас, я слышал, есть дела поважнее.

— Какие, например? — спросила Кира.

Крайнов улыбнулся — очень вежливо.

— У вас было дело. Громкое. В соседнем посёлке. — Он сделал паузу, ровно такую, чтобы она поняла: они знают всё. — По-моему, оно закончилось. Значит, можно выдохнуть. Не каждый день удаётся закрыть такое дело. Берегите себя.

— Спасибо за заботу, — ровно ответила Кира. — Я приду ещё. Может быть, не раз.

— Всегда рады, — сказал Крайнов. — Правда.

Она собрала документы, оставив ему копию запроса с отметкой о вручении, и вышла. В приёмной секретарша даже не подняла головы. Кира зафиксировала в блокноте время выхода: 15:28. Тридцать минут. Ровно столько, сколько требовалось, чтобы ни один вопрос не был решён.

Уже у двери её догнал голос Крайнова:

— Кира Андреевна.

Она обернулась.

— Знаете, что мне нравится в вашем деле? — спросил он, стоя в дверях кабинета с бокалом воды в руке. — Что вы ищете человека, который сам не хочет, чтобы его нашли. Люди иногда уходят. Самые спокойные — уходят первыми.

— Вы утверждаете, что он ушёл сам? — спросила Кира.

— Я ничего не утверждаю, — улыбнулся Крайнов. — Я делюсь наблюдением. Живите с ним. Или не живите — вам виднее.

Дверь закрылась мягко, без звука. И в этой мягкости было больше угрозы, чем если бы он хлопнул ею.

Кира не пошла сразу к машине. Она прошла пешком до автобусной остановки у ворот посёлка — официального места, где таксисты и местные жители ждали «выхода» из закрытого мира. Здесь, если повезёт, можно было поговорить с теми, кто не работал в посёлке и не был обязан молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.